

Фролов Денис Леонидович

**РОМЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД «ФРАНКОКРАТИИ»:
СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

Специальность 5.6.2. Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Нижний Новгород – 2022

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова».

Научный руководитель:

Дементьева Вера Викторовна

доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет имени
П.Г. Демидова».

Официальные оппоненты:

Куц Татьяна Викторовна

доктор исторических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина», заведующая
кафедрой истории древнего мира и средних веков.

Маслов Артем Николаевич

кандидат исторических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского», кафедра
истории Древнего мира и Средних веков, заместитель директора
ИМОМИ ННГУ по научной работе.

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Защита состоится «01» июля 2022 г. в 15:00 часов на заседании диссертационного совета 92.2.042.02 при ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, ауд. 320.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» и на сайте ННГУ по адресу: <https://diss.unn.ru/files/2022/1244/diss-Frolov-1244.pdf>

Автореферат разослан «___» _____ 2022 г

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат исторических наук, доцент

Абидулин Алим Маратович

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Взятие крестоносцами Константинополя в 1204 г. стало переломным моментом в отношениях между франками и ромеями. Несомненно, что представители двух «миров» имели тесные контакты и ранее, но именно образование латинских государств на Балканах привело к длительному сосуществованию обоих социумов на одной территории. Утверждение крестоносцами новых – феодальных – норм социальных отношений должно было вызвать реакцию в среде различных групп местного населения. По мнению Д. Якоби, являвшегося крупнейшим специалистом по истории периода «франкократии»¹, византийское общество в это время было разделено завоевателями на две правовые категории: привилегированных архонтов и зависимых «вилланов»². В число последних израильским ученым были отнесены не только бывшие парики, но и низшее духовенство с простыми горожанами. Мы полагаем, что данный тезис нуждается в существенной корректировке. Он основан преимущественно на анализе текста «Ассиз Романии», составителями которых не учитывались многие частные договоры, регулировавшие взаимоотношения между местным и пришлым населением.

Не привлекала должного внимания исследователей и проблема трансформации социальных связей внутри самого византийского общества. Сохранились ли крупные и весьма сплоченные сообщества архонтов после вхождения местной знати в состав высшего сословия франкских государств? Если – да, то изменились ли принципы функционирования «архонтских сетей»? Была ли фрагментирована крестьянская община? В какие условия попал приходской клир, лишенный собственных иерархов? Оставались ли города под всеобъемлющим контролем *ἀρχόντες*, или же их население отныне было подчинено новой – латинской власти? Насколько сплоченным являлся ромейский социум в целом? Вследствие недостаточной изученности данных вопросов их детальный анализ представляется актуальным.

Объектом исследования выступают франкские государства на Балканах в XIII-XV вв.

Предметом исследования является ромейское общество в период «франкократии», его структура и социальные отношения.

¹ Термин «франкократия» используется по примеру Ж. Гриво и А. Николау-Коннари («Le terme «*φραγκοκρατία/frankokratia*» vient désigner la période durant laquelle un certain nombre d'États latins – francs, italiens, catalans – s'établissent sur des territoires enlevés à l'Empire byzantin lors de la Troisième et, surtout, lors de la Quatrième croisade»). Однако под «франкократией» автором диссертации понимается период «франкского», а не «латинского» в целом господства на части земель (за исключением Кипра и Эвбеи), завоеванных в ходе IV крестового похода. См.: Grivaud G., Nicolaou-Konnari A. Aux origines de la «*frankokratia*». Genèse, péripéties idéologiques et apologie d'un néologisme de l'historiographie néo-hellénique (Première partie) // *Frankokratia*. 2020. Vol. 1. Iss. 1-2. P. 4.

² Jacoby D. The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesus after the Fourth Crusade // *The American Historical Review*. 1973. Vol. 78, № 4. P. 891.

Цель данной работы – изучение трансформации общественного положения, внутренних и внешних связей различных групп византийского социума во время франкского владычества на территориях «Романии».

На основании указанной цели, предмета и объекта исследования, **задачи работы** определяются следующим образом:

1. Дать характеристику способов взаимодействия «завоеванных» с «завоевателями».
2. Выявить специфические черты взаимодействия архонтов, духовенства, горожан и париков в условиях иноземного правления.
3. Изучить особенности функционирования внутренних связей между представителями отдельных категорий ромейского населения.
4. Исследовать изменения в общей структуре греческого общества.

Методологическая основа работы. Исследование осуществлялась с опорой на базовые методологические принципы историзма, объективности и системности. Среди использованных методов выделим специально-исторические и общенаучные. К первой группе относятся историко-генетический, историко-сравнительный, историко-ретроспективный методы, историко-системный анализ. Ко второй группе принадлежат методы количественного контент-анализа и терминологического анализа.

Хронологические рамки исследования: 1204 – 1458 гг. Выбор начальной даты обусловлен завоеванием крестоносцами Константинополя, конечной – утверждением османской власти в Афинском герцогстве, после падения Ахейского княжества остававшимся последним «феодальным» (по терминологии Д. Якоби) государством в регионе.

Географические рамки исследования ограничены землями континентальных государств периода «франкократии» (Ахейского княжества, Афинского герцогства, королевства Фессалоники и Латинской империи), в географическом отношении – территориями Южных Балкан (т.е. Пелопоннесом, Аттикой, Фессалией, Македонией, Фракией). Наиболее подробно в работе изучается морейский материал, причиной чему является наличие существенного числа документальных источников, составленных в данной местности и дошедших до наших дней. Кипрские и иные островные (Эвбейский) свидетельства в данной диссертации привлекались исключительно для сравнения. Это объясняется тем, что в первом случае взаимодействие завоевателей осуществлялось с «урезанным» ромейским социумом, практически не включавшим архонтов³. Во втором – с

³ Многие архонты-киприоты бежали в Константинополь еще при Исааке Комнине. См.: Близнюк С.В. Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII-XV вв.: дис. ... докт. ист. наук. М., 2016. С. 60. Оставшиеся же массово покидали остров в 1190-х гг. или беднели, что сказалось и на местных монастырях. См.: Weyl-Carr A. Orthodox Monasteries under Lusignan Rule // Art and Material Culture in the Byzantine and Islamic Worlds / Ed. by E. Baboula, L. Jessop. Leiden-Boston, 2021. P. 109. По мнению А. Николау-Коннари, на Кипре произошло изначальное «разрушение» высшей прослойки греческого населения, что привело к большей кооперации низших социальных групп с завоевателями. Массовым конфискациям архонтских земель со стороны Ги де Лузиньяна способствовали бунты 1191-1192 гг., позволившие королю не принимать во внимание договоры, заключенные местной знатью с Ричардом Львиное Серце. При этом, согласно концепции упомянутого исследователя, часть аристократов могла оставаться на острове в качестве наследственных землевладельцев и после прихода латинян. Однако последние не позволили *ἄρχοντες* стать

постоянным переходом Эвбеи под власть различных центров силы в бассейне Эгейского моря: от итальянцев и до византийцев.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в рамках одной работы дается комплексная характеристика эволюции социального положения ромейского населения при франкской власти в XIII-XV вв. Это позволяет составить более полное представление об истории государств периода «франкократии», а также проследить специфику развития «фронтирных» обществ эпохи Средних веков.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Четыре основные социальные группы (архонты, горожане, крестьяне, духовенство) были весьма сильно отстранены друг от друга в правовом отношении, обусловленном сферой занятости конкретного лица (свободные знать и ремесленники – зависимые сельскохозяйственные работники). Именно занятие земледелием (за некоторыми исключениями), а не принадлежность человека к городскому или крестьянскому «простому народу» определяло во франкских Балканах «вилланский» статус.

2. «Дезинтеграция» социальных групп имела две основные причины: неспособность архонтов одержать верх над завоевателями (и желание последних как можно быстрее укрепиться на новых территориях), а также особенности идеологических воззрений последних. С одной стороны, западные феодалы считали представителей знати своими двойниками, с другой, – они испытывали гораздо меньший интерес к горожанам и были полностью безразличны (а в некоторых случаях – нетерпимы) к крестьянству.

3. Внешний враг в лице завоевателей стал для местной знати союзником, что привело к «выделению» архонтов из всей массы ромейского общества сначала в качестве «квазиаллодиалов», а затем – полноценных лигиев, вассалов простого оммажа и держателей рентных фьефов.

4. Высокое положение представителей местной знати стало защищаться франками на законодательном уровне, что «освободило» их от необходимости ведения политических «игр» с низшими слоями населения. В результате семьи и отдельные представители из среды ἄρχοντες с начала XIV в. стали более заинтересованы в реализации себя через западные общественные структуры. При этом ими использовались стратегии поведения, выработанные еще при василевсах.

5. Архонты весьма охотно участвовали в эксплуатации крестьянства и православного духовенства по образцу франкских рыцарей, высшие из которых фактически являлись их главными благодетелями. У сельских жителей и священников в отсутствие православных церковных иерархов,

особым («special class») или низшим («second class») «классом» знати, как это произошло на венецианском Крите и франкском Пелопоннесе. См.: Nicolaou Konnari A. Greeks // Cyprus: Society and Culture 1191-1374 / Ed. by A. Nicolaou Konnari, C. Shabel. Leiden-Boston, 2005. P. 7, 27, 43. Фактическое уничтожение архонтов на острове подтверждается и тем, что Леонтий Махера, писавший свою «хронику» в первой половине XV в., именовал соответствующим термином не греческую, а французскую знать. См.: Близнюк С.В. Короли Кипра в эпоху крестовых походов. СПб., 2014. С. 185.

таким образом, не осталось шансов на организованный отпор в союзе с собственной знатью и возвращение ромейского правления. Это в дальнейшем привело к трансформации отношений между основными социальными группами под влиянием именно феодальной системы управления.

6. Связи интегрированных в западную общественную структуру ἄρχοντες и селян, находившихся в их подчинении, стали максимально приближены к зависимости сервов от феодала. Простое духовенство, лишенное большинства своих архиереев, практически превратилось в часть крестьянской общины. Традиционные социальные отношения сохранялись лишь между архонтами-καστρονοί и городскими ремесленниками, заинтересованными во взаимном сотрудничестве. Во взаимодействии с франками каждая крупная социальная группа выступала по отдельности.

7. Завоеватели как представители высшей власти достаточно часто оказывались «связующим звеном» между различными слоями местного населения.

8. Вопреки жестким предписаниям, зафиксированным в «Ассизах Романии», существовали методы внеправового регулирования отношений как между латинянами и ромеями, так и внутри самого «греческого» общества. Это проявлялось не только в нарушении правил судебного производства, но и в обходе некоторых норм, ограничивавших горизонтальную мобильность крестьянства.

9. Завоевание, приведшее к дезинтеграции крупных социальных групп, тем не менее, не затронуло простейшие общественные структуры. Семьи в подавляющем большинстве оставались нуклеарными даже среди зависимого духовенства и крестьянства, не изменилось и достаточно высокое для Средневековья положение ромейских вдов. Более того, в сельских общинах сохранялся принцип протимесиса.

10. В Ахейском княжестве, как и в Византии, происходило увеличение площадей арендованной крестьянами земли («appactiones»), а также сохранялась категория «присельников» («*nicarii*»), что свидетельствует о схожем характере социально-экономического развития в сельской местности франкских и ромейских территорий.

11. Новая феодальная система управления не привела к резкому усилению экономической эксплуатации сельских жителей, зависимого духовенства и части горожан.

12. С конца XIII в. западные рыцари и ἄρχοντες практически идентично относились к незнатным грекам. В результате, если на венецианском Крите завоеватели обеспечивали подчиненность местных жителей путем сегрегации этносов, а также отдельных договоренностей с высокопоставленными ромеями, на Кипре – полной «зачисткой» самой опасной социальной группы, то на Балканах произошел «союз» двух элит, сделавший невозможным любое низовое народное сопротивление. Последний подход со стороны латинян оказался не менее оправданным,

нежели первые два, и позволил просуществовать некоторым «франко-итальянским» территориям в Греции до конца 1450-х гг.

Источниковая база исследования представлена письменными (как документальными, так и нарративными) и вещественными памятниками. Из *документальных источников* отметим законодательные акты, составленные в период «франкокрации». Наиболее значимы для изучения темы материалы «Ассиз Романии» – крупнейшего свода феодального права, созданного на территории латинских государств Балкан⁴. Использовались акты латинских императоров Константинополя и вождей IV крестового похода, а именно «Pacta inter Henricum Dandulum et Crucesignatos», «Partitio terrarum Romaniae» и «Confirmatio Henrici», опубликованные в первом томе сборника «Urkunden zur Alteren Handels und Staatsgeschichte der Republik Venedig» Г. Тафеля и Г. Томаса в 1856 г.⁵ Выделим и «Pactum Adrianopolitanum» (1206 г.)⁶, а также постановления IV Латеранского собора, некоторые из них регламентировали жизнь православных монашеских сообществ на Балканах⁷.

Существенную роль при изучении темы играют хозяйственно-правовые документы. К таковым относятся имущественные описи флорентийского магната Никколо Аччаюоли, собранные и изданные Ж. Лоньоном и П. Топпингом в 1969 г.⁸; т.н. «Tributa Lampsacenorum» – опись налоговых поступлений, составленная в 1218 г. в сеньории малоазийского города Лампсака, принадлежавшего после 1204 г. Венеции⁹.

Среди документальных источников важное значение имеет и официальная переписка римских понтификов: корреспонденция Иннокентия III, в период понтификата которого политическое влияние Святого престола достигло своего пика¹⁰, а также письма Гонория III, избранного на Святой Престол в 1216 г.¹¹

При написании диссертации изучались также различные постановления, приказы и распоряжения, составленные на территории Неаполитанского королевства и итальянских городов-республик, представленные в материалах «Monumenta Peloponnesiaca», опубликованных Дж. Хрисостомидис в 1995 г.¹² Было проанализировано содержание

⁴ Parmeggiani A. Libro de le uxanze e statute de lo Imperio de Romania. Spoleto, 1998. 238 p.

Перевод: Topping P. Feudal Institutions as Revealed in the Assizes of Romania: The Law Code of Frankish Greece. Philadelphia, 1949. 194 p.

⁵ Urkunden zur Alteren Handels und Staatsgeschichte der Republik Venedig / Ed. Tafel G., Thomas G. Wien, 1856. T. I. S. 444-449; Ibid. S. 464-488; Ibid. S. 571-574; Carile A. Partitio terrarum Imperii Romaniae // Studi veneziani. 1965. Vol. 7. P. 125-306.

⁶ Urkunden... T. II. S. 17-19.

⁷ Concilium Lateranense IV // Conciliorum Oecumenicorum Decreta / Cur. J. Alberigo, J.A. Dossetti, P. Joannou, C. Leonardi, P. Prodi, cons. H. Jedin. Bologna, 1973. P. 230-271.

⁸ Longnon J., Topping P. Documents sur le régime des terres dans la principauté de Morée au XIVe siècle. P., 1969. 326 p.

⁹ Urkunden... T. II. S. 208-209.

¹⁰ Innocentius III Regestorum sive Epistolarum // Patrologia Latina / Ed. par J.P. Migne. P. 1855. T. CCXV, CCXVI; Chartularium Universitatis Parisiensis / Éd. par H. Denifle et E. Chatelain. P., 1889. T. I. P. 62.

¹¹ Bullarium Hellenicum. Pope Honorius III's Letters to Frankish Greece and Constantinople / Ed. by W.O. Duba, C. Schabel. Turnhout, 2015. 612 p.

¹² Monumenta Peloponnesiaca / Ed. by J. Chrysostomides. Athens, 1995. XLIII+664 p.

сборников записей анжуйской канцелярии, издававшихся в Неаполе на протяжении 60 лет (с 1950 по 2010 гг.)¹³.

Для выяснения трансформации положения сельского населения при власти франков использовались юридические комментарии, к которым относятся разборы тяжб, произведенные Евстафием Ромеем, и содержащиеся в «Пире» – сборнике «практик», основу которого составляют толкования указанного чиновника, записанные его учениками¹⁴.

К источникам рода нарративных следует отнести в первую очередь хроники западного, византийского и восточного происхождения. Наибольшую роль при изучении структуры и социальных отношений ромейского общества в период «франкократии», безусловно, играет «Морейская хроника»¹⁵. Определенную ценность при рассмотрении положения греческого социума после завоевания Константинополя 1204 г. имеет ряд иных западных и византийских свидетельств. Здесь обратим внимание на «Завоевания» Жоффруа де Виллардуэна и Робера де Клари¹⁶, «Историю императора Генриха» Анри де Валансьена¹⁷, анонимное свидетельство «Devastatio Constantinopolitana»¹⁸, «Historia Constantinopolitana» Гунтера Пэрисского¹⁹, «Историю Романии» Марино Санудо Торзелло Старшего²⁰, «Истории» Никиты Хониата²¹, Георгия Акрополита²², Георгия Пахимера²³, Никифора Григоры²⁴, пелопоннесскую

¹³ I registri della Cancelleria Angioina / A cura di R. Filangieri, R.O. de Angelis, I. Orefice. Napoli, 1950-1985. T. I, XXIII, XXXV.

¹⁴ Jus Graeco Romanum: Practica ex actis Eustathii Romani / Ed. K.E. Zachariae von Lingenthal. Leipzig, 1856. Vol. I. 312 S.

¹⁵ Греческая версия: The Chronicle of Morea, a History in Political Verse Relating the Establishment of Feudalism in Greece by the Franks in the Thirteenth Century / Ed. by J. Schmitt. L., 1904. 789 p.; французская версия: Livre de la conquête de la princée de l'Amorée: Chronique de Morée (1204-1305) / Éd. par J. Longnon. P., 1911. 432 p.; каталонская версия: Libro de los fechos et conquistas del principado de la Morea compilado por comandamiento de Don Fray Johan Ferrandez de Heredia, maestro del Hospital de S. Johan de Jerusalem / Éd. par A. Morel-Fatio. Geneva, 1885. 426 p.; Перевод среднегреческой версии: Crusaders as Conquerors. The Chronicle of Morea / Tr. by H.E. Lurier. NY-L., 1965. 346 p.; Перевод старофранцузского текста: The Old French Chronicle of Morea. An Account of Frankish Greece after the Fourth Crusade / Tr. by A. van Arsdall, H. Moody. Farnham, 2015. 282 p. Наиболее современный словарь терминов, встречающихся в среднегреческом тексте см.: Lexicon on the Chronicle of Morea / Ed. by W.J. Aerts, H. Hokwerda. Groningen, 2002. 564 p.

¹⁶ Geoffroi de Villehardouin La Conquête De Constantinople // La conquête de Constantinople, avec la continuation de Henri de Valenciennes / Éd. par M. Natalis de Wailly. P. 1-194; перевод: Жоффруа де Виллардуэн Взятие Константинополя // Взятие Константинополя. Песни Труверов / Пер. О.В. Смолицкой. С. 36-200; Robert de Clari Conquête de Constantinople / Éd. par P. Lauer. P., 1924. 132 p.

¹⁷ Henri de Valenciennes Histoire de L'Empereur Henri de Constantinople // La conquête de Constantinople, avec la continuation de Henri de Valenciennes / Éd. par M. Natalis de Wailly. P. 195-272.

¹⁸ Andrea A.J. «The Devastatio Constantinopolitana», A Special Perspective on the Fourth Crusade: An Analysis, New Edition, and Translation // Historical Reflections. 1993. №1. P. 107-149.

¹⁹ Guntherus Cistercensis Monachus Historia Constantinopolitana // Patrologia Latina / ed. J. P. Migne. P., 1885. T. CCXII. P. 221-256.

²⁰ Marino Sanudo Torsello Istoria del Regno di Romania // Chroniques gréco-romanes inédites ou peu connues, pub. avec notes et tables généalogiques / Ed. C. Hopf. P. 99-170.

²¹ Nicetae Choniatae Historia / ed. J. L. van Dieten. Berlin, 1975. 656 p. Перевод: Никита Хониат История / Пер. И.В. Чельцова. СПб., 1862. 442 с.

²² Γεώργιος Ακροπολίτης Χρονική Συγγραφή // Patrologia Graeca / ed. J. P. Migne. P., 1887. T. CXL. P. 969-1220; перевод: Георгий Акрополит История / Пер. П.И. Жаворнкова. СПб., 2013. 416 с.

²³ Georges Pachymères: Relations historiques / eds. A. Failler, V Laurent. P., 1984. Vol. 2. 667 p.; перевод: Георгия Пахимера история о Михаиле и Андронике Палеологах. Тринадцать книг / Пер. под ред. В.Н. Карпова. СПб., 1862. Т. I. XXI+526 с.

«Хронику 1423 г.»²⁵, а также «Повесть о сладкой земле Кипр» Леонтия Махеры²⁶.

Кроме хроник для написания диссертации использовались и нарративные эпистолярные источники, в частности, письма афинского митрополита Михаила Хониата²⁷, путевые заметки итальянских путешественников Никколо да Мартони и Кириако Анконского²⁸, а также испанского раввина Вениамина Тудельского²⁹.

Вещественные источники (данные археологии, нумизматики и сфрагистики) изучались на основании специализированных каталогов, монографий и статей³⁰. В частности, были рассмотрены образцы протомайолики, найденные в Коринфе и представленные в труде Т.С. Маккей³¹, анализировались надписи на печатях Генриха Фландрского, Балдуина II и константинопольского епарха латинского происхождения Доминика Мания³². Также привлекались изображения французских денег турнуа и английских пенни, представленных, например, в статье Д.М. Меткалфа «The Berbati Hoard»³³. Помимо прочего в качестве справочного аппарата нами использовались регесты латинских императоров, составленные Б. Хендриком³⁴.

Степень изученности темы.

Интерес к изучению истории государств периода «франкократии» исследователи стали проявлять в XVIII – начале XX вв. в рамках обобщающих трудов. Одна из важнейших работ девятнадцатого столетия – двухтомное исследование Ж. Бюшона³⁵, содержащее не только описание событий, происходивших на территории различных частей Морей, но и ряд

²⁴ Νικηφόρος Γρηγοράς Ρωμαϊκή Ιστορία // Patrologia Graeca / ed. J. P. Migne. P., 1865. T. CXXXVIII. 1528 p. перевод: Никифор Григора История Ромеев / Пер. Р.В. Яшунского. СПб., 2013. Т. I. XLII, 438 с.

²⁵ Die byzantinischen Kleinchroniken / Rec., Com., Instr. P. Schreiner. Wien, 1975. T. I. S. 238-261.

²⁶ Λεόντιος Μαχαίρας Ἱστορία τῆς Κύπρου. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://users.uoa.gr/~nektar/history/2romanity/makhairas_chronicle.htm. Дата обращения: 25.12.2021; перевод: Близнюк С.В. Короли Кипра в эпоху крестовых походов. С. 132-250; Она же Леонтий Махера и его хроника «Повесть о сладкой земле Кипр». М., 2018. 496 с.

²⁷ Michaelis Choniatae Epistulae // Corpus Fontium Historiae Byzantinae / Rec. Foteini Kolovou. Berlin, 2001. Vol. 41. 150+396 p.; Перевод: Успенский Ф.И. Неизданные речи и письма // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 201. 1879. С. 367-396.

²⁸ Duchene H. Le Voyage en Grece. P., 2003. P. 1-53.

²⁹ Вениамин Тудельский Книга странствий // Три еврейских путешественника / Пер. П.В. Марголина. М., 2004. С. 65-196.

³⁰ Baker J. Coinage and Money in Medieval Greece 1200-1430. Leiden-Boston, 2020. 1568 p.; Соколова И.В. Печати византийских императоров. СПб., 2007. 120 с.; Kaufman Williams II C. Frankish Corinth: An Overview // Corinth. 2003. Vol. 20. P. 423-434; Schlumberger G.L. Sceaux et bulles des empereurs latins de Constantinople // Bulletin Monumental. 1890. P. T. 56. P. 5-29.

³¹ Mackay T.S. More Byzantine and Frankish Pottery from Corinth // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. 1967. Vol. 36. № 3. P. 58.

³² Schlumberger G.L. Sceaux et bulles des empereurs latins de Constantinople. P. 9-11, 15; Шандровская В.С. Епархи Константинополя XI-XII вв. (По данным печатей Эрмитажа). С. 71-72.

³³ Metcalf D.M. The Berbati Hoard, 1953: Deniers Tournois and Sterlings from the Frankish Morea // The Numismatic Chronicle. 1974. Vol. 14. P. 125.

³⁴ Hendrickx B. Régestes des empereurs latins de Constantinople (1204-1261/1272) // Byzantina. 1988. T. 14. P. 7-221.

³⁵ Buchon J. Nouvelles recherches historiques sur la principauté française de Morée et ses hautes baronnies. P., 1845. T. I. 530 p.

документов – акты дарения на имя флорентийского магната Никколо Аччаюоли, постановления представителей Анжуйской династии и т.д. Среди первых крупных монографий, в которых проблема социального устройства франкских государств на Балканах подвергалась рассмотрению, выделяются труды Джорджа Финлэя³⁶, проанализировавшего основные законодательные акты Латинской империи («Pacta» и «Partitio»), а также У. Миллера³⁷. Весьма взвешенной точки зрения на общественное развитие местного общества в XIII-XV вв. в своих общих работах придерживались русские историки дореволюционной школы, среди которых следует выделить П.Е. Медовикова³⁸, Ф.И. Успенского и А.А. Васильева³⁹. Более того, два последних пользовались весьма солидным корпусом источников по рассматриваемой теме.

В данный период развития историографии увидела свет статья Л.г. Шлюмберже, посвященная изучению печатей латинских императоров Константинополя (т.е. вопросам сфрагистики)⁴⁰.

Подлинный прорыв в изучении рассматриваемой проблемы произошел **в середине – второй половине XX в.** В это время Ж. Лоньоном была написана обобщающая монография, в рамках которой было весьма подробно изучено социальное устройство франкских государств на Южных Балканах⁴¹. Не менее значимой работой общего характера является «La Morée franque» А. Бона, изданная в 1969 г.⁴² Однако ее главным достоинством представляется подробный анализ иных аспектов истории Морей, позволяющий учесть ряд факторов, влиявших на эволюцию местных общественных групп. Наконец, 1990-е гг. ознаменовались выходом последнего (кроме многочисленных сборников 2000-2010-х гг.) монументального *англоязычного* труда по истории периода «франкократии» П. Локка⁴³.

С середины XX в. стали рассматриваться и вопросы, непосредственно посвященные социальному статусу греческого населения после завоевания 1204 г. Большой вклад в изучение данной проблемы был сделан П. Топпингом. Американского профессора интересовали некоторые

³⁶ Finlay G. History of the Byzantine and Greek Empires from 1057–1453. Edinburgh, 1854. Vol. 2. 471 p.

³⁷ Miller W. The Latins in the Levant, a History of Frankish Greece. NY. 1908. 712 p.; Idem. Essays on the Latin Orient. Cambridge, 1921. 614 p.

³⁸ Медовиков П.Е. Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще. М., 1849. 164 с.

³⁹ Успенский Ф.И. История Византийской империи XI-XV вв. М., 1996. 804 с.; Васильев А.А. История Византийской империи / Пер. с англ. А.Г. Грушевой. СПб., 2000. Т. II. 593 с.

⁴⁰ Schlumberger G.L. Sceaux et bulles des empereurs latins de Constantinople // Bulletin Monumental. 1890. Vol. 56. P. 5-29.

⁴¹ Longnon J. L'Empire Latin de Constantinople et la Principauté de Morée. P., 1949. 363 p.

⁴² Bon A. La Morée franque: recherches historiques, topographiques et archéologiques sur la principauté d'Achaïe (1205-1430). P., 1969. Т. I. 746 p.

⁴³ Первое издание книги относится к 1995 г.: Lock P. The Franks in the Aegean: 1204-1500. L.-NY, 1995. 414 p.

«практические» вопросы «латино-греческого сожительства». Свою позицию по данной проблеме он изложил в весьма подробных докладе и статье⁴⁴.

Своеобразным «наследником» П. Топпинга стал выдающийся исследователь Д. Якоби⁴⁵. Все ромеи, оставшиеся на завоеванных территориях, по его мнению, относились к двум крупным правовым группам: архонтам и вилланам. Если первые постепенно интегрировались в высшее общество (изначально на правах вассалов «простого оммажа», а затем и в качестве «полноценных» лигиев), то вторые, состоявшие из париков, простого духовенства и горожан, были полностью подчинены рыцарству и вставшей на его сторону местной знати. Исключением в данном отношении в концепции автора являлись греки Константинополя, наиболее могущественные из которых нашли свое место при новой власти за счет экономического влияния⁴⁶. Вместе с тем, ученый проводил анализ конкретных форм сосуществования франков и византийцев. Большой интерес представляет его исследование о феномене «*casaux de parçon*» – латинско-греческой совместной «сеньории» над поселениями, находившимися на границе Ахейского княжества и Морейского деспотата⁴⁷. Отдельно исследователь занимался и изучением положения крестьянства на завоеванных территориях⁴⁸. Также его интересовала судьба иудеев и ромеев, проживавших в городах⁴⁹.

Параллельно с Д. Якоби вопросы социальной истории периода «франкократии» изучал и итальянский исследователь А. Кариле, написавший две крупные монографии и статью, посвященные феодальным отношениям, формам землепользования и положению сельского населения в латинских государствах Балкан⁵⁰.

⁴⁴ Topping P. Co-existence of Greeks and Latins in Frankish Morea and Venetian Crete // *Studies on Latin Greece A.D. 1205-1715* / Ed. by P. Topping. L., 1977. XI: P. 3-23; Idem. Le régime agraire dans le Péloponnèse latin au XIVe siècle // *Studies on Latin Greece A.D. 1205-1715* / Ed. by P. Topping. L., 1977. III: P. 255-295.

⁴⁵ Jacoby D. La féodalité en Grèce médiévale: les "Assises de Romanie", sources, application et diffusion. P., 1971. 358 p.; Idem. Les archontes grecs et la féodalité en Morée franque // *Travaux et mémoires*. 1967. T. II. P. 421-481; Idem. Social Evolution in Latin Greece // *A History of the Crusades* / Ed. by K.M. Setton. Madison, 1989. Vol. 6. P. 175-221; Idem. The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesus after the Fourth Crusade // *The American Historical Review*. 1973. Vol. 78. № 4. P. 873-906.

⁴⁶ Впрочем, данное исключение изучалось автором гораздо позднее – в 2010-х гг. См.: Idem. The Greeks of Constantinople under Latin Rule // *The Fourth Crusade: Event, Aftermath, and Perceptions* / Ed. by T.F. Madden. London NY, 2016. P. 53-74.

⁴⁷ Idem. Un régime de coseigneurie gréco-franque en Morée: Les «casaux de parçon» // *Mélanges de l'école française de Rome*. 1963. № 75-1. P. 111-125.

⁴⁸ Idem. New Evidence on the Greek Peasantry in Latin Romania // *Encounters in the Eastern Mediterranean, 10th-15th Centuries* / Ed. by D. Jacoby. Farnham, 2009. X: P. 239-252; Idem. Peasant Mobility across the Venetian, Frankish and Byzantine Borders in Latin Romania, Thirteenth-Fifteenth Centuries // *I Greci durante la venetocrazia. Uomini, spazio, idee* / A cura di D. Vlassi, Ch. A. Maltezou, A. Tzavara. Venezia, 2009. P. 525-539.

⁴⁹ Idem. The Greeks of Constantinople under Latin Rule // *The Fourth Crusade: Event, Aftermath, and Perceptions* / Ed. by T.F. Madden. London-NY, 2016. P. 53-74; Idem. The Jewish Communities in the Social Fabric of Latin Greece: between Segregation and Interaction // *A Companion to Latin Greece* / Ed. by N.I. Tsougarakis and P. Lock. Leiden, 2015. P. 255-287.

⁵⁰ Carile A. La rendita feudale nella Morea latina del XIV secolo. Bologna, 1974. 236 p.; Idem. Per una storia dell'Impero latino di Castantinopoli: 1204 – 1261. Bologna, 1972. 421 p.; Idem. Signoria rurale e feudalesimo nell'impero latino di Costantinopoli (1204-1261) // *Structures féodales et féodalisme dans l'Occident méditerranéen (Xe-XIIIe siècles). Bilan et perspectives de recherches. Actes du Colloque de Rome*. Rome, 1980. P. 667-678.

В 1987 г. увидел свет фундаментальный труд М. Кордозиса, посвященный положению греческого населения и православной церкви под франкской властью до 1264 г.⁵¹ Автор отмечал, что наследственные земли архонтов не были подчинены нормам феодального права, а в состав высшего сословия княжества местные аристократы входили путем приобретения наделов западного типа. Положение париков, по мнению специалиста, не претерпело сильных изменений, но, все же, ухудшилось, поскольку латиняне «возвели сильный барьер между двумя классами», препятствовавший получению свободного статуса.

В монографии А. Илиевой изучается социокультурное взаимодействие жителей Пелопоннеса и пришлого населения до 1262 г.⁵² Болгарским специалистом был разработан и ряд весьма оригинальных концепций, ставших существенным вкладом в развитие исследуемой темы. В частности, к весьма значимым относится положение об отношении франков к архонтам как владельцам аллодов.

В Советском Союзе проблемами социального устройства государств периода «франкократии» занимался Б.Т. Горянов⁵³. Основной чертой его работы следует считать приверженность автору схеме «базис-надстройка», где под надстройкой понималась феодальная структура управления, созданная завоевателями. Рассмотрение положения византийского общества при власти латинян на Балканах было продолжено Г.А. Дмитриевым⁵⁴. Анализ, проведенный исследователем, является комплексным. Вместе с изучением законодательных норм, зафиксированных в «Ассизах Романии», автор обращался и к рассмотрению текстов хозяйственно-правовых источников, а также договоров завоевателей с ромейской знатью.

В середине XX в. стала активно изучаться и церковная история латинских государств Эгейского бассейна. Крупнейшим специалистом в данной сфере являлся Р.Л. Вулф. В двух крупных статьях им было подробно освещено развитие системы управления Латинского патриархата Константинополя, а также рассмотрены предприятия католических иерархов (в первую очередь, Папы и патриарха) по сближению католической и православной церквей⁵⁵. Определенное внимание историк уделял деятельности западных монашеских орденов на территории Византии и франкских государств, публикации текстов источников, политической

⁵¹ Kordoses M. Southern Greece under the Franks (1204-1262): A Study of the Greek Population and the Orthodox Church under the Frankish Dominion. Ioannina, 1987. 127 p.

⁵² Ilieva A. Frankish Morea, 1205-1262: Socio-cultural Interaction between the Franks and the Local Population. Athens, 1991. 307 p.

⁵³ Горянов Б.Т. К вопросу об общественно-политическом строе Латинской империи // Византийский Временник. 1958. Т. 14(39). С. 85-96.

⁵⁴ Дмитриев Г.А. Долговая тюрьма в Латинской Морее // Byzantinoslavica. 1969. 30/1. Р. 73-76; Он же К вопросу о положении крестьян в латинской Греции // Сборник радова Византолошкогo института. 1973. Т. XIV-XV. С. 55-64; Он же Термины «серв» и «виллан» на латинском востоке // Сборник радова Византолошкогo института. 1971. Т. XIII. С. 127-141.

⁵⁵ Wolff R.L. Politics in the Latin Patriarchate of Constantinople // *Dumbarton Oaks Papers*. 1954. Vol. 8. P. 225-303; Idem. The Organization of the Latin Patriarchate of Constantinople, 1204-1261: Social and Administrative Consequences of the Latin Conquest // *Traditio*. 1948. Vol. 6. P. 33-60.

истории Латинской империи, а также проблемам исторической терминологии⁵⁶. Во второй половине XX в. работа по изучению положения церкви в латинских владениях Эгейского бассейна была продолжена К. Сеттоном, давшим в первом томе монографии «The Papacy and The Levant (1204-1571)» наиболее полный анализ взаимоотношений Святого Престола, светской власти и ромеев на территории всех франкских государств Балканского полуострова⁵⁷.

В середине – второй половине XX в. историков продолжали привлекать и некоторые аспекты политической истории государств периода «франкократии». Труды по данному вопросу создавались М. Кордозисом⁵⁸, А. Лайу⁵⁹, Д. Квеллером и Т. Мэдденом⁶⁰.

Большое значение для исследования имеют работы, посвященные изучению отдельных аспектов общественных отношений в византийский период: монография А. Лайу о сельском обществе в Византии⁶¹, а также основополагающий труд М. Энголда, раскрывающий основы влияния архонтов в византийский период, развитие их как отдельной социальной группы, принципы функционирования их сообществ⁶².

Столь существенное усиление научного интереса к рассматриваемой нами проблеме в частности и периоду «франкократии» в целом было бы невозможно без введения в научный обиход новых источников и публикации работ источниковедческого характера. Специалистами, работавшими в данном направлении, были П. Топпинг и Ж. Лоньон⁶³, Д. Якоби⁶⁴, А. Пармеджиани⁶⁵, А. Кариле и Г. Лурье⁶⁶, Т.С. Маккей⁶⁷.

С начала 2000-х гг. и по настоящее время внимание ученых чаще сосредотачивается на проблемах социокультурного взаимодействия обществ завоевателей и завоеванных. Вместе с тем, историки рассматривают вопросы, связанные с особенностями социального положения ромеев, как

⁵⁶ Wolff R.L. Baldwin of Flanders and Hainaut, First Latin Emperor of Constantinople: His Life, Death and Resurrection, 1172-1225 // Studies in the Latin Empire of Constantinople / Ed. by R.L. Wolff. L., 1976. IV. P. 281-322; Idem. Hopf's so-called «Fragmentum of Marino Sanudo Torsello» // Studies in the Latin Empire of Constantinople / Ed. by R.L. Wolff. L., 1976. X: 149-159.; Idem. The Latin Empire of Constantinople // Studies in the Latin Empire of Constantinople / Ed. by R.L. Wolff. L., 1976. I: P. 187-233; Idem. Romania: the Latin Empire of Constantinople // Speculum. 1948. Vol. 23. №1. P. 1-34.

⁵⁷ Setton K.M. The Papacy and the Levant (1204-1571) - Philadelphia, 1976. Vol. I. 628 p.

⁵⁸ Переиздание: Корδώσης Μ.Ε. Η κατάκτηση της νότιας Ελλάδας από τους Φράγκους. Αθήνα, 2017. 208 σ.

⁵⁹ Laiou A. Constantinople and Latins (1282-1328): The Foreign Policy of Andronicus II, 1282-1328. Cambridge, MA, 1972. 400 p.

⁶⁰ Queller D.E., Madden T.F. The Fourth Crusade: The Conquest of Constantinople. Philadelphia, 1997. 368 p.

⁶¹ Laiou A. Peasant Society in the Late Byzantine Empire. Princeton, 1977. 333 p.

⁶² Angold M. Archons and Dynasts: Local aristocracies and the Cities of the Later Byzantine empire // The Byzantine Aristocracy, IX to XIII centuries / Ed. by M. Angold. Oxford: B.A.R., 1984. P. 236-253.

⁶³ Topping P. Feudal Institutions as Revealed in the Assizes of Romania: The Law Code of Frankish Greece. Philadelphia, 1949. 194 p.; Idem. The Formation of the Assizes of Romania // Studies on Latin Greece A.D. 1205-1715 / Ed. by P. Topping. L., 1977. II: P. 304-314; Documents sur le régime des terres dans la principauté de Morée au XIVe siècle / Pub. par J. Longnon, P. Topping. P., 1969. 326 p.

⁶⁴ Jacoby D. Quelques considérations sur les versions de la «Chronique de Morée».

⁶⁵ Parmeggiani A. Libro delle usanze e statuti dello Imperio de Romania.

⁶⁶ Carile A. Partitio terrarum Imperii Romaniae; Crusaders as Conquerors. The Chronicle of Morea / Tr. by H.E. Lurier.

⁶⁷ Mackay T.S. More Byzantine and Frankish Pottery from Corinth.

непосредственно в специальных исследованиях, так и в рамках изучения иных тем. В частности, в 2000 г. увидела свет монография видного российского византиниста С.П. Карпова, являющаяся обобщающей работой по периоду «латинократии» и содержащая подробный анализ положений «Ассиз Романии», фиксирующих правовой статус архонтов и греческих крестьян⁶⁸. Различные аспекты социальной истории периода «франкократии» в настоящее время изучаются Х. Гаспарисом⁶⁹, а также А. Пападиа-Лала⁷⁰. Не меньший интерес для нас представляют труды Е. Каффа и Н.И. Цугаракиса, в которых, вслед за Р.Л. Вулфом и К. Сеттоном, получило продолжение рассмотрение истории церкви на завоеванных крестоносцами землях⁷¹.

В числе работ, посвященных политической истории государств периода «франкократии», выделим две монографии и одну статью Ф. Ван Трихта об особенностях организации системы управления и репрезентации высшей власти в Латинской империи⁷². В данном контексте обращают на себя внимание труды Н.Г. Хриссиса⁷³, С.В. Близнюк⁷⁴, М. Энголда⁷⁵.

Вопросами экономики латинских государств Эгейского бассейна стал пристально заниматься Д. Якоби⁷⁶, а проблемы источниковедения

⁶⁸ Карпов С.П. Латинская Романия. СПб., 2000. 256 с.

⁶⁹ Gasparis Ch. Land and Landowners in the Greek Territories under Latin Dominion, 13th-14th centuries // A Companion to Latin Greece. / Ed. by N.I. Tsougarakis, P. Lock. Leiden, 2015. P. 73-113.

⁷⁰ Papadia-Lala A. Society, Administration and Identities in Latin Greece // A Companion to Latin Greece / Ed. by N.I. Tsougarakis and P. Lock. Leiden, 2015. P. 114-144.

⁷¹ Kaffa E. The Greek Church of Cyprus, the Morea and Constantinople during the Frankish Era (1196-1303). Cardiff, 2008. 219 p.; Tsougarakis N.I. The Latin Religious Orders in Medieval Greece, 1204-1500. Turnhout, 2012. 391 p.; Idem. The Western Religious Orders in Medieval Greece. Leeds, 2008. 464 p.

⁷² Van Tricht F.: Robert of Courtenay (1221-1227): An Idiot on the Throne of Constantinople? // Speculum. 2013. № 88. P. 996-1034; Idem. The Byzantino-Latin Principality of Adrianople // Dumbarton Oaks Papers. Vol. 68. 2014. P. 325-342; Idem. The Horoscope of Emperor Baldwin II. Political and Sociocultural Dynamics in Latin-Byzantine Constantinople. Leiden, 2018. 300 p.; Idem. The Latin Renovatio of Byzantium: The Empire of Constantinople, 1204-1228. Leiden, 2013. 544 p.

⁷³ Chrissis N.G. New Frontiers: Frankish Greece and the Development of Crusading in the Early Thirteenth Century // Contact and Conflict in Frankish Greece and the Aegean, 1204-1453 / Ed. by N.G. Chrissis, M. Carr. L., NY, 2016. P. 17-42.

⁷⁴ Близнюк С.В. Королевство Кипр и итальянские морские республики в XIII-XV вв.; Она же Короли Кипра в эпоху крестовых походов; Она же Леонтий Махера и его хроника «Повесть о сладкой земле Кипр».

⁷⁵ Angold M. The Fourth Crusade Event and Context. Harlow, 2003. 304 p.; Idem. The Latin Empire of Constantinople, 1204-1261: Marriage Strategies // Identities and allegiances in the eastern Mediterranean after 1204 / Ed. by J. Herrin, G. Saint-Guillain. Farnham, 2011. P. 47-68; Idem. Michael VIII Palaiologus and the Aegean // Liquid and Multiple. Individuals & Identities in the Thirteenth-century Aegean / Ed. by G. Saint-Guillain & D. Stathakopoulos. P., 2012. P. 27-44.

⁷⁶ Jacoby D. Rural Exploitation and Market Economy in the Late Medieval Peloponnese // Medieval Trade in the Eastern Mediterranean and Beyond / Ed. by D. Jacoby. L., 2018. P. 228-292; Idem. Silk in Western Byzantium before the Fourth Crusade // Trade, Commodities and Shipping in the Medieval Mediterranean / Ed. by D. Jacoby. Aldershot, 1997. VII: P. 452-500; Idem. Silk Production in the Frankish Peloponnese: the Evidence of Fourteenth Century Surveys and Reports // Trade, Commodities and Shipping in the Medieval Mediterranean / Ed. by D. Jacoby. Aldershot, 1997. VIII: P. 41-61; Idem. The Byzantine Outsider in Trade (c.900-c.1350) // Strangers to Themselves: The Byzantine Outsider / Ed. by D.C. Smythe. Aldershot, 2000. P. 129-147; Idem. The Economy of Latin Constantinople (1204-1261) // Travellers, Merchants and Settlers in the Eastern Mediterranean / Ed. by D. Jacoby. Farnham, 2014. VII: P. 195-214; Idem. The Economy of Latin Greece // A Companion to Latin Greece / Ed. by N.I. Tsougarakis and P. Lock. Leiden, 2015. P. 185-217; Idem. Thirteenth-Century Commercial Exchange in the Aegean: Continuity and Change // Change in the Byzantine World in the Twelfth and Thirteenth Centuries / Ed. by A. Ödekan, E. Akyürek, N. Necipoğlu. Istanbul, 2010. P. 187-194; Idem. Mediterranean Food and Wine for Constantinople: The Long-Distance Trade, Eleventh to Mid-Fifteenth Century // Handelsgüter und Verkehrswege.

продолжают разрабатываться А. Андреа и Т. Шоукросс⁷⁷. Весьма значительную роль в изучении различных аспектов истории франкских Балкан в первые десятилетия XXI в. играют археологические исследования⁷⁸. Среди научных работ в рамках специальных дисциплин нельзя не отметить обширнейший труд по нумизматике средневековой Греции, изданный в 2020 г. Дж. Бэйкером⁷⁹. Отметим, что нами также использовались и справочные издания: «Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit»⁸⁰, «The Oxford Dictionary of Byzantium»⁸¹.

Таким образом, на данный момент, ряд вопросов, связанных с общественным положением ромейского населения при власти франков, представляется хорошо изученным. В то же время некоторые исследовательские проблемы остаются дискуссионными или нуждаются в дополнительных исследованиях.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы при чтении лекций по истории Средних веков, при разработке пособий, семинаров, спецкурсов, для дальнейших научных исследований в этих областях.

Апробация основных положений работы осуществлялась в ходе докладов на международных и всероссийских научных конференциях: «XXII Всероссийская научная сессия византинистов: византийское «содружество» и смена парадигм» (Екатеринбург: УрФУ, 2019), XIX, XX, XXII и XXV всероссийская конференция «Общества древней и средневековой Европы» (Ярославль: ЯрГУ, 2016, 2017, 2019, 2022), всероссийская конференция «Путь в науку» (Ярославль: ЯрГУ, 2017), XXXIX всероссийская межвузовская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (Санкт-Петербург: СПбГУ, 2019), международная конференция «Пути империй: модели, практики, дискурсы наднациональных политий от древности до современности» (Нижний Новгород: ННГУ, 2020), «Актуальные проблемы истории Средних веков» (Москва: МПГУ, 2016). В 2021 г. Была получена стипендия на проведение полугодовой научно-исследовательской стажировки в Федеративной Республике Германии (на базе государственного университета г. Бремена по совместной программе Министерства науки и высшего образования РФ и DAAD «Иммануил Кант»).

II. Структура и содержание работы

Aspekte der Warenversorgung im östlichen Mittelmeerraum / Ed. E. Kislinger, J. Koder, A. Külzer. Wien, 2010. S. 127-147.

⁷⁷ Andrea A.J. Contemporary Sources for the Fourth Crusade. Boston, 2000. 344 p.; Idem. «The Devastatio Constantinopolitana», A Special Perspective on the Fourth Crusade: An Analysis, New Edition, and Translation; Shawcross T. The Chronicle of Morea: Historiography in Crusader Greece. Oxford, 2009. 340 p.

⁷⁸ Garvie-Lok S.J. Population Mobility at Frankish Corinth: Evidence from Stable Oxygen Isotope Ratios of Tooth Enamel // Hesperia Supplements. 2009. Vol. 43. P. 245-256.

⁷⁹ Baker J. Coinage and Money in Medieval Greece 1200-1430. Leiden-Boston, 2020. 1568 p.

⁸⁰ Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit. CD-ROM Version [Электронный ресурс]. Wien, 2001.

⁸¹ The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. by A.P. Kazhdan. NY.-Oxford, 1991. 2232 p.

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, дается обзор источников и историографии по изучаемым вопросам.

Первая глава «Архонты под властью “франков”» состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе *«1.1. Социальное положение местной ромейской знати в период правления Комнинов-Ангелов»* рассматривается возвышение «среднего класса» византийской элиты – архонтов в период XI–XII вв. Специальное внимание уделяется неформальному характеру их власти, созданию внутренних связей между членами данной социальной группы, основам их влияния в виде контроля над ремесленным производством, торговлей и землей, а также оценивается их вклад в усиление центробежных тенденций в Византийском государстве незадолго до IV крестового похода.

Во втором параграфе *«Роль ἄρχοντες в утверждении завоевателей на византийских территориях»* характеризуются основные аспекты взаимодействия архонтов с высшим сословием завоевателей в период IV крестового похода. Отмечается, что лишь в некоторых случаях местная аристократия оказывала многолетнее сопротивление войскам крестоносцев, предпочитая этому скорейшее заключение взаимовыгодных договоров. Данные пакты принимались ромейской знатью коллегиально, а их содержание могло варьироваться в зависимости от различных внутренних и внешних факторов. Как правило, в обмен на обещание сохранения византийского обычая и законов ἄρχοντες клялись способствовать дальнейшему продвижению франков вглубь бывших византийских земель.

В третьем параграфе *«Архонты в феодальной системе государств “франкократии”»* обосновывается точка зрения, согласно которой, греческие аристократы вскоре после завоевания стали не «низшими» феодалами, а «альтернативной» группой внутри благородного сословия латинских государств, близкой по своему положению к западноевропейским аллодиалам. Они не были связаны с новой властью обязательствами службы, необходимыми к исполнению для латинян, а их отношения с правителями и баронами регламентировались на основании частных договоров, в том числе, договоров фьеф-ренты. К началу XIV в. местная знать стала интегрироваться в новую общественную структуру уже на правах «полноценных» лигиев, что открывало для некоторых ее представителей доступ к баронскому статусу.

Четвертый параграф «Архонтское землевладение в XII–XV вв.» посвящен вопросу о «традиционных» наделах греческой аристократии. Сделан вывод о том, что землевладение архонтов в XIII в. по большей части было представлено полунезависимыми землями, схожими по статусу с западными аллодами. Это обособливало данную группу населения от лигиев

– «полноценных» рыцарей, владевших фьефами, выдававшимися за службу, и имевших четко регламентированную доходность в 300 анжуйских ливров. В это время большая часть ординарных архонтских имений уступала по размеру лигийским. Однако с XIV в. ситуация изменилась, и наиболее влиятельные представители рассматриваемого социального слоя стали активно получать в свое владение настоящие феодалы в обмен на службу. Кроме того, местная знать византийского происхождения имела свободный доступ к аренде земель. Фактически к 1350 гг. ἄρχοντες, как и их латинские «двойники», сумели получить возможность приобретать и обрабатывать держания любого типа.

В пятом параграфе *«Кооперация в среде благородных ромеев после 1204 г.»* утверждается, что архонтская «кооперация», свойственная представителям данной социальной группы до 1204 г., не ослабевала и после завоевания. Об этом свидетельствуют как обстоятельства двух восстаний в Скорте, так и то, что, по крайней мере, члены трех ромейских семей на протяжении 50 лет находились в плотном соприкосновении друг с другом и весьма сильно влияли на политику в Морее. Более того, существенную часть этого периода Кутруллисы и Мисито проводили в замке Каламаты, где свои должности имели и представители рода Мурмурисов, что может служить примером архонтского сообщества нового типа, характеризовавшегося интеграцией местной знати во франкскую феодальную структуру. Наиболее влиятельные ἄρχοντες, имевшие политические связи, как с завоевателями, так и друг с другом, организовывали и традиционные «торгово-производственные» сети. Основным отличием от византийского периода стало то, что высший слой местной знати создавал систему связей не только с представителями греческой элиты, но и с благородными франками. Более того, некоторые архонты основывали совместные экономические предприятия с иерархами католической церкви.

Вторая глава *«Крестьянство после завоевания 1204 г.»* состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе *«Парики в византийском государстве XII в.»* рассматривается эволюция крестьянского социального статуса в Византии на протяжении двух веков до завоевания 1204 г. Отмечается, что византийское крестьянство в XI-XII вв. постепенно закабалялось и практически полностью превратилось в париков, однако, вопреки мнению М. Кордозиса, все еще имело больше свобод, нежели западноевропейские сервы. В частности, его представители могли покидать обрабатываемые наделы, находившиеся как на территориях, принадлежавших казне, так и на частновладельческих землях. После 30 лет жизни на одном месте крестьяне получали право стать «квази»-собственниками определенного участка. Среди других отличий были отмечены иная система наследования, подразумевавшая передачу имущества (пусть и не в равных долях) всем детям, более высокий статус женщины в семье, нахождение сельских жителей под контролем не столько отдельных лиц, сколько фискального аппарата империи, а также разделение на

различные имущественные категории, являвшееся общепринятым во всем государстве.

Во втором параграфе *«Изменения в общественном положении ромейского сельского населения после падения Константинополя»* обращается внимание на то, что после IV крестового похода большая часть крестьянства стала именоваться «villani» или «uragici», а также была закабалена и принуждена постоянно проживать на территориях западных феодалов, имея при этом личные повинности, что фактически сделало бывших париков «двойниками» французских сервов. Между тем, в период «франкократии» в сельской местности находились и иные категории крестьянства, официально не являвшиеся зависимыми. Все группы селян, так или иначе, приносили доход сеньору, поскольку были вынуждены заниматься хозяйственной деятельностью в его владениях. Сама же категоризация ввиду «приватизации» государственной власти частными землевладельцами уже не представляла собой относительно выверенную «византийскую» систему, созданную чиновниками фиска и основанную на имущественном положении того или иного домохозяйства. Выделение конкретного крестьянского состояния при франках производилось по экономическим и географическим причинам, а также на основании рода занятий крестьянина. Четко регламентированные повинности вместе с невозможностью «скрыться от фиска» (как в византийский период) и нежеланием западных рыцарей терять доходы в период XIV – первой половины XV в. привели к началу массовых миграционных процессов сельского населения, катализатором которых стали иноземные вторжения и эпидемия чумы. При этом миграция могла происходить не только на территории Венеции и Византии, но и в укрепленные поселения, принадлежавшие феодалам западного происхождения, что свидетельствует о неидеальном исполнении норм, зафиксированных в «Ассизах Романии».

Третий параграф *«Крестьянское землевладение в XII-XV вв.»* посвящен выяснению особенностей распоряжения крестьянами собственной землей. Сделано наблюдение о том, что крестьянское землевладение в период «франкократии» представляло собой «стась», под которой после завоевания подразумевалось условное держание, полученное крестьянином от частного землевладельца. Не меньшее значение для селян имела обработка земель иного типа – «appactuationes». Данные наделы были участками, арендованными у сеньора путем заключения договора, именовавшегося «пактом» («pactum»). В некоторых случаях эти соглашения являлись разрешением на пользование важными объектами инфраструктуры – мельницами, прессами, маслодавильнями. «Земельные appactuationes» различались между собой по размерам и типу выращиваемых на них культур, а также могли быть разделены между несколькими арендаторами. Во владениях различных видов сельское население не только выращивало зерновые (в Южной Греции фактически не являвшиеся товарными), но также имело оливковые и фруктовые деревья. Необходимость получения масла

оливы деревенскими жителями, производившими в некоторых селениях до половины от общего его объема, фактически вынуждало крестьян делать выплаты сеньору за использование механизмов обработки. Феодал в этом случае опирался на право баналитета, принесенное из Западной Европы. Наконец, селяне, как и в византийский период, содержали скот, представленный, преимущественно, овцами, ослами и волами. В деревнях со значительными площадями, отданными под пашню, картина не сильно отличалась от таковой в Византии XI-XII вв. – большинство «париков» там оставались «воидатами», владевшими одним тягловым животным.

В четвертом параграфе «Положение париков во владениях архонтов» утверждается, что привилегии свободного статуса в обмен на военную службу получили архонты и рядовые представители славянского племени милингов, несшие схожие обязанности еще при византийских василевсах и ставшие при новой власти своеобразными двойниками «*incosati*» и «*argerei*», проживавших на землях западных сюзеренов. Положение же «обычных вилланов» во владениях своих высокородных соотечественников к началу XIV в. фактически стало идентичным таковому в селениях, принадлежавших латинскими феодалам. Причиной этому послужила практика, при которой ἄρχοντες требовали от крестьян исполнения тех же платежей и повинностей, что и западное рыцарство. Данный факт подтверждается описями владений Иоанна II Мисито, организовавшего ряд своих хозяйств по «европейским» принципам. «*Villani*», проживавшие в «*casaux de parçon*» – селениях, расположенных на границе Ахейского княжества и разделенных между знатью деспотата и франкскими рыцарями, несли равнозначный объем повинностей каждому из сеньоров. При этом, согласно тексту «Морейской хроники», сельские жители ромейского происхождения в некоторых случаях испытывали притеснения со стороны византийской элиты, что заставляло их (вопреки официальным правовым нормам) обращаться к вышестоящим западным сюзеренам.

Третья глава «Горожане в период “франкократии”» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «Социальный статус горожан в Византии (до 1204 г.)» делается вывод о том, что до завоевания в относительно небольших провинциальных центрах практически все мастерские принадлежали архонтам, и именно от благородных ромеев, заключавших договоры с латинянами, зависела судьба существенного числа рядовых членов общин. Устройство же городской жизни в Константинополе, наоборот, могло стать серьезной проблемой уже для франкских императоров, никогда ранее не занимавшихся администрированием столь крупных городов, и даже не имевших органов управления, способных регламентировать работу торговых и ремесленных корпораций.

Во втором параграфе «Население крупных городов при “франкском” правлении» отмечается, что после окончания IV крестового похода положение населения крупных городов (во главе с Константинополем)

претерпело существенные изменения. В первую очередь, полностью потеряло свое влияние большинство высших византийских чиновников, о чем свидетельствует их бегство на сопредельные территории, контролировавшиеся ромеями, а также отсутствие представителей разветвленного бюрократического аппарата при дворе латинских императоров. Торгово-ремесленные круги столицы, вероятно, сохранили свою корпоративную структуру, чем можно объяснить быстрое экономическое восстановление города. Однако их судьба практически полностью зависела не от пришлого «василевса», а от представителей Венецианской республики. Причиной этому являлось наличие опыта ведения коммерческих дел с ромеями у венецианцев и отсутствие у франков системы администрирования, адекватной греческим реалиям.

В третьем параграфе *«Периферийные городские центры. Феномен «горожан-париков»* обращается внимание на то, что судьба населения небольших (относительно Константинополя) городских центров была неоднозначной. В городах, специализировавшихся, преимущественно, на сельском хозяйстве, часть жителей (по примеру малоазийского Лампсака) могла быть отнесена к различным категориям крестьянства. В некоторых городских центрах были существенно поколеблены позиции местного ремесленничества, что было обусловлено как возникновением итальянского контроля над торговлей в Восточном Средиземноморье (увеличившего количество импорта, поступавшего с Запада), так и ростом числа коммерчески активного пришлого населения в различных поселениях (приводившим к усилению конкуренции). Вместе с тем, отдельные ремесленные мастерские, контролировавшиеся архонтами, продолжали функционировать даже в период кризиса франкских государств. Примером этому может служить работа фиванских шелковых производств, в конце XIV в. поставлявших высококачественные изделия ко двору короля Франции. В целом же, на основании ряда косвенных свидетельств, к которым относится информация о положении иудейской общины на Эвбее, а также примеры кооперации западноевропейских и греческих мастеров в сфере изобразительного искусства и архитектуры, можно констатировать наличие личной свободы у городских ремесленников ромейского происхождения во время правления франков.

В четвертом параграфе *«Изменение роли кастриной после завоевания 1204 г.»* делается вывод о том, что после окончания IV крестового похода архонты-кастриной сохранили основы своего влияния на городские сообщества (владение имуществом и производством). В некоторых случаях (к примеру, в Нафплионе) благородные ромеи заключали с завоевателями соглашения, позволявшие им владеть целыми частями городов. Наконец, весьма лояльное отношение феодалов-франков к коммерческой деятельности своих греческих двойников давало возможность последним развивать торговые связи с иноземными купцами (преимущественно выходцами из Италии). В добавление к этому

проживавшие представители «среднего класса» местной знати могли заключать с франкскими правителями договора фьеф-ренты, о чем свидетельствует установление обязательств корабельной повинности для элиты Монемасии. Единственным существенным ограничением, с которым пришлось столкнуться ἄρχοντες-каστρηνοί после завоевания, стало существенное ослабление их политической независимости.

Четвертая глава «Православное духовенство в латинских государствах» состоит из четырех параграфов.

Первый параграф «Общественное положение ромейского духовенства в XII – начале XIII в.» посвящен рассмотрению вопросов, связанных с социальным статусом клира до падения Константинополя в ходе IV крестового похода. Отмечается, что простое приходское духовенство вплоть до появления завоевателей оставалось юридически свободным. В некоторых регионах оно фактически становилось зависимым населением на службе епископов, но во второй половине XII в. стало весьма успешно бороться с притеснениями подобного рода. Епископы же, помимо своих основных функций, зачастую становились главами местных архонтских сообществ, а также старались снизить налоговое бремя вверенной им паствы путем переговоров со знакомыми аристократами. Общественное положение архиереев основывалось на протекции со стороны духовных отцов или родственников, уже имевших высокий сан в церковной структуре. Большую роль в дальнейшем продвижении по карьерной лестнице играла служба высокопоставленного духовенства при константинопольском патриархе, также формировавшая систему связей как «внутри» церковной «элиты», так и «снаружи» – с представителями ромейских аристократических родов. Черное духовенство, как и на Западе, активно занималось розничной и оптовой коммерческой деятельностью, а также расширяло свои земельные угодья. Социальная функция монашества заключалась в содержании представителей специфических групп местного населения внутри монастырей – от убийц и преступников до вдов и вдовцов.

Во втором параграфе «Правовой статус византийских служителей церкви в период “франкократии”» проведенный анализ приводит к утверждению, что правовое положение простого приходского духовенства в период «франкократии», характеризовалось, с одной стороны, прямым подчинением юрисдикции Святого Престола и официально задекларированным Римом равенством прав с западным священниками, а с другой – практически полной зависимостью от воли светских властей, что влекло за собой принятие католическими иерархами и феодалами компромиссных решений, низводивших часть местных клириков до уровня зависимых крестьян. Также для кандидатов в ряды низшего клира могла доставлять неудобство необходимость добираться до ближайших православных архиереев, кафедры которых не всегда находились в пределах конкретного государства. Ромейские епископы со времен понтификата Иннокентия III, в свою очередь, были обязаны изъяслять лишь формальную

покорность католической церкви. Большинство из немногочисленных греческих иерархов, оставшихся во франкских землях, в правовом отношении были подчинены латинским архиепископам, нередко превышавшим полномочия и ущемлявшим своих византийских «коллег». Кроме того, во многих случаях у последних отбиралась юридическая власть над собственными диоцедами, а сами они выселялись за пределы городских центров. Должность же викарного епископа при этом давалась им далеко не всегда.

В третьем параграфе *«Православные священники на землях франкского рыцарства»* рассматриваются вопросы, связанные с проживанием ромейских служителей церкви на территории светских феодалов. Обращается внимание на то, что оставшееся на землях западных феодалов простое приходское священство, несмотря на ряд принятых в начале XIII в. правовых норм, в большинстве своем оказалось в рядах т.н. «вилланов». При этом правило освобождения конкретного количества священников в зависимости от размеров поселения зачастую не работало из-за экономических причин, и клир ради собственного обеспечения начинал обрабатывать сеньориальные земли. Византийские архиереи, представленные на территории франкских государств немногочисленными оставшимися епископами, в свою очередь, сохраняли связи со своими «коллегами», проживавшими на греческих территориях. Вместе с тем, они так и не стали силой, способной быть центром сопротивления завоевателям, поскольку практически полностью потеряли собственный авторитет в архонтской среде.

В четвертом параграфе *«Греческие монастыри под властью католической церкви»* констатируется, что существенно ухудшилось положение монашества. С одной стороны, католическая церковь не стремилась изменить монашеский устав и специально не изгоняла греческих насельников из их обителей, а иногда (в случае признания иноками авторитета Рима) даже брала некоторые общежития под свою защиту. Однако при возникновении конфликтов в «православно-католических» монастырях Святой Престол вставал на сторону западных орденов. Зачастую сообщества местных монахов становились «разменной монетой» в политической игре Рима и отдавались «под защиту» светских правителей. Наконец, многие представители ромейского черного духовенства находились в оппозиции Святому Престолу и отказывались признавать его власть. В таком случае они лишались всех привилегий и, весьма вероятно, по примеру некоторых греческих епископов аккумулировали вокруг себя недовольство властью Рима.

В заключении делаются общие выводы по результатам исследования (см. положения, выносимые на защиту).

В приложениях приводятся таблицы и диаграммы, поясняющие и детализирующие положения диссертации. В приложении А собраны данные по частоте и контексту употребления термина «πίστις» в копенгагенском списке «Морейской хроники». Приложение Б представлено сводной

таблицей, отражающей содержательное наполнение понятий «*πρόνοια*» и «*φίε*» в том же источнике. В таблице 1 приложения В подробно дается состав домохозяйств нескольких пелопоннесских деревень XIV в. Диаграмма 1 отражает количество детей в нуклеарных семьях, диаграмма 2 – средний размер домохозяйств полных семей с учетом проживавших с ними родственников, диаграмма 3 – процентное соотношение нуклеарных и смешанных семей, диаграмма 4 – виды и статус вдовьих наделов, таблица 2 и диаграмма 5 – количество семей с одной фамилией, проживавших отдельно друг от друга в конкретных селениях. В приложении Г приведены сведения о дроблении крестьянских стасей и аппактов. Приложение Д представлено таблицей и двумя диаграммами, содержащими результаты статистического анализа терминов, обозначающих понятие «грек», в хрониках Робера де Клари, Жоффруа де Виллардуэна и Анри де Валансьена. В приложении Е отражены сведения о составе населения 8 крепостей франкского Пелопоннеса XIV в.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

В изданиях, включенных в Перечень ВАК
Министерства высшего образования и науки Российской Федерации:

1. *Фролов Д.Л.* Светская власть и ортодоксы в государствах крестоносцев: между волей Рима и верой подданных // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. №1. С. 197-211.
2. *Данилов Е.С., Фролов Д.Л., Дементьева В.В.* Imperator и Βασίλεϋς: две стороны власти латинского правителя Константинополя // Вестник Ярославского Государственного Университета. Серия Гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 21-26.
3. *Фролов Д.Л.* Термин «*ἄρχων*» в «Морейской хронике» и «Ассизах Романии» // Вестник ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 38-41.
4. *Фролов Д.Л.* Правовое положение православного сельского духовенства в период «франкократии» // Via in tempore. История. Политология. 2021. Т. 48. №4. С. 812-819.

В других журналах:

5. *Фролов Д.Л.* Система церковного управления в Латинской империи: становление и борьба за власть (1204-1216 гг.) // Valla. 2016. Т. 2, № 1. С. 53-64.

В сборниках и иных изданиях:

6. *Фролов Д.Л.* Византиец как христианин в хрониках периода Франкократии // Сборник тезисов XI Московской научно-практической конференции «Студенческая наука». М., 2017. Т. IV. С. 454-455.
7. *Фролов Д.Л.* Бонифаций Монферратский: титул Фессалоникского правителя в 1204-1207 гг. // Сборник материалов конференции «Путь в науку»; (История). Ярославль, 2018. С. 9-11.
8. *Фролов Д.Л.* «Подтверждение» Генриха Фландрского и Марино Дзено // *Lumen intellectus* [Свет разума]. Памяти Ии Леонидовны Маяк: сборник статей Научно-образовательного центра антиковедения ЯрГУ им. П.Г. Демидова / отв. ред. В.В. Дементьева. Ярославль, 2019. С. 155-164.
9. *Фролов Д.Л.* Ромей: или архонт, или виллан? Категории свободного и зависимого населения в государствах франкократии // Византийское содружество: традиции и смена парадигм: тез. докл. XXII всероссийской научной сессии византинистов РФ / Под ред. М.В. Грацианского, Т.В. Куш. Екатеринбург, 2019. С. 158-160.
10. *Фролов Д.Л.* «Πρόνοια» и «φίε» в греческой версии «Морейской хроники»: содержание понятий // Материалы XXXIX научной всероссийской конференции «Курбатовские чтения». СПб., 2020. С. 115-122.